

Эффективное корпоративное управление является необходимым условием для превращения российских предприятий в прибыльные и конкурентоспособные на мировом рынке. Это все более четко осознают как правительственные, так и деловые круги России, а также те работники сферы образования, которые рассматривают корпоративное управление, как одну из наиболее важных дисциплин для преподавания на экономических факультетах, факультетах бизнеса, семинарах для членов советов директоров и руководящего состава компаний, проходящих обучение в системе переподготовки кадров

Д. В. Нестерова

ИНВЕСТИЦИИ В ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Сегодня признается необходимость оценки «системного кризиса» с точки зрения общих закономерностей эволюционного процесса, которые, вместе с тем, позволяют увидеть специфику его проявления в России. Современное общество вплотную подошло к формированию основ новой постиндустриальной цивилизации, опирающейся не столько на материально-вещественные, сколько на интеллектуальные, информационные, управленческие ресурсы, нацеленной на преимущественное развитие и накопление человеческого богатства, а не его вещно-стоимостных форм. Практика в индустриально развитых странах свидетельствует о качественно иной, несравненно более высокой степени зависимости результатов экономического развития от человека, его общих и профессиональных знаний, умений, способностей, нравственной мотивации и социального самочувствия, непосредственно влияющих на труд и на отношение к труду, на надежность и скоординированность всех звеньев производственного процесса.

Именно люди с их образованием, квалификацией, профессиональным опытом и навыками, целями и ценностями, жизненными установками и ориентациями выступают в качестве главного, определяющего и неисчерпаемого, в отличие от всех других, фактора экономического роста, они же определяют возможности и границы необходимых перемен. А потому конкурентные преимущества той или иной страны в современных условиях отыскиваются в первую очередь в кадрово-ценностном потенциале на-

ции, сердцевину которого образует накопленный и задействованный человеческий капитал.

Из этого следует, что в качестве приоритетных источников экономической динамики рассматриваются те из них, которые связаны с нематериальными формами накопления, а именно, с инвестициями в человека, с накоплением человеческого капитала, с развитием производительных способностей индивидов.

Заметное усиление роли не вещественных факторов экономического роста, под которыми понимались «качественное совершенствование рабочей силы», «прогресс знаний», «превращение интеллектуальных способностей в непосредственную производительную силу индивида», было зафиксировано в середине 1960-х годов американскими исследователями, широко использовавшими арсенал эконометрических инструментов, в частности, аппарат производственных функции. Тогда же ученые констатировали большое увеличение «капитальных инвестиций в человеческое существо», «в личную производственную мощь» и статистически доказали роль «скрытых капиталовложений», то есть не учитываемых в национальных счетах, в обеспечении экономического роста.

Это послужило мощным катализатором для разработки концепции человеческого капитала, исследующей взаимосвязь между инвестициями в человека, накоплением человеческого капитала, с одной стороны, и доходами, которые получают индивиды, фирмы и государство от этих инвестиций, – с другой. Человеческий капитал при этом понимается как совокупность знаний, навыков, умений, или производительных способностей индивида, которые формируются за счет издержек на общее образование, подготовку на производстве и накопление профессионального опыта, инвестиций в здоровье и безопасность жизни, затрат, связанных с мобильностью труда, поиском работы и воспитанием детей. Сформированный за счет перечисленных источников, человеческий капитал может быть использован в течение определенного периода времени.

Тем самым, во-первых, было развито и укреплено положение неоклассической теории о том, что формирование капитала в широком смысле и в многообразных его формах представляет самый важный источник экономического роста; во-вторых, уже разработанные средства и методы анализа «обычного» (физического) капитала были применены к человеческому капиталу; в-третьих, была создана расширительная концепция источников экономического роста, в основе которой лежали новые условия

развития производительных сил, особая значимость субъекта производства.

Отношение к образованию как к источнику будущих доходов нашло отражение в результатах социологических опросов, проведенных в середине 1980-х годов в странах с рыночно регулируемой экономикой. Экономические мотивы получения образования назывались респондентами в 3,5 раза чаще, чем не экономические: 83% опрошенных стремились получить образование для того, чтобы иметь лучшую работу, 72% – повысить свои способности к заработку, 70% – заработать больше денег (См: Leslie L. The Economic Value of Higher Education. N.-Y.: McMillan Publishing Company. 1988. P. 40.).

Обоснование важности инвестиций в человека, как фактора экономического роста, их способности накапливаться и приносить доход привело к признанию нематериальных форм накопления, наряду с материальными, в качестве важнейшего условия экономического роста. Если раньше возможности экономического роста связывались с накоплением основного капитала (труду отводилась пассивная роль, а фактор «земля» – природные ресурсы – рассматривался как ограничительный в росте экономики), то дальнейший поиск источников и факторов экономического роста постепенно привел к переоценке и расширению исходной базы теоретических постулатов. В частности, стала общепризнанной необходимость выделения роли совокупности специальных знаний, способностей и навыков человека в качестве особой формы производительного капитала, накопление которого оказывает самостоятельное и все возрастающее воздействие на экономический рост.

Следует отметить, однако, что социальные факторы, оказывая большое влияние на экономический рост через расширение его возможностей и источников, способны накладывать и серьезные ограничения. Это связано прежде всего с такими социальными последствиями экономического роста, как перенаселенность индустриальных центров, истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и т.п. Перед обществом были поставлены вопросы о пределах, цене, и социальной направленности экономического роста.

Именно в этой связи А. Печчеи, Э. Пестель и другие члены Римского клуба стали полагать, что в условиях научно-технической революции главные усилия должны быть сконцентрированы не просто на развитии способностей индивида, как условия экономического роста, а на «человеческой революции».

Она призвана радикально обновить и даже заменить ценности и мотивации, ранее казавшиеся незыблемыми, на новые. Благодаря этому обретут цели и смысл, достигнут своей кульминации все остальные процессы и будет порван «порочный круг пределов роста». Следовательно, проблематичен и соответствующий им регулятивный, управленческий, властно-хозяйственный ранее созданный механизм, многообразны пути выхода из противоречий, связанных с переосмыслением целей и приоритетов экономического роста, с созданием нового механизма хозяйствования.

В этой связи широкий резонанс получили институционально-социологические теории роста, уходящие корнями в идеи М. Вебера, Т. Веблена, Д. Коммонса, которые рассматривали экономическую жизнь как результат сложного и глубокого взаимодействия не только экономических, но и социально-политических, культурных, нравственных и психологических факторов. Эти теории придают особое значение роли институциональной среды (организационных форм и структур, системы правового обеспечения управления и самоуправления) в выработке целей и механизмов экономического развития. В конце 1960-х годов К. Поланый утверждал, что экономика глубоко связана с неэкономическими институтами. В качестве таких институтов Я. Тинберген выдвинул, например, формы собственности на средства производства; А. Бергсон – принципы распределения доходов, которые он связывал с характером политической власти; Ч. Фергюсон – наличие достаточно демократичной системы выдвижения, обсуждения и согласования целей экономического роста. В работах Дж. Хиршляйфера подчеркивалось, что хорошая экономика должна быть также хорошей антропологией, социологией, политологией и психологией. Но такого рода широкой концепции взаимосвязей экономики и других социальных сфер, по мнению Г. Аарона, еще предстоит найти должное применение в экономической теории.

Высказывались соответствующие рекомендации по оценке результативности действия социальных институтов, в частности, по такому критерию, как рост благосостояния, под которым понимаются не только величина национального продукта и его состав, уровень занятости, доходов и цен, объем и уровень потребления различных благ и услуг, но и потребности людей, определяемые системой моральных ценностей и находящие свое воплощение в требованиях реформ образования, здравоохранения, системы социального обеспечения, охраны окружающей среды.

Содержание экономического роста в настоящее время неразрывно связывается с экономическим развитием и раскрывается через сложную корреляцию с такими понятиями, как «гуманизм», «культура», «цивилизация». Для всесторонней оценки социально-экономического развития в том или ином регионе земного шара широко используется «индекс человеческого развития», который определяется не только показателями продолжительности жизни, детской смертности, грамотности населения, соотношения между гражданскими и военными бюджетами, но и дополнительно включает показатели ущерба, наносимого окружающей среде, а также уровня развития прав и свобод личности, оцениваемого не только с точки зрения распределения материальных благ и услуг, но и возможностей доступа к образованию, получению профессии, поддержанию здоровья и т. д.

Расширительная концепция источников экономического роста дала импульс многочисленным эмпирическим исследованиям, направленным на определение количественных размеров вклада инвестиций в образование, как главного условия развития человеческих ресурсов, в экономический рост. Выяснилось, на долю образования приходится в среднем от 15 до 20% прироста национального дохода, причем на долю высшего образования – примерно 25% от общего вклада всего фактора «образование»; другие же 20–40 % прироста национального дохода обусловлены прогрессом в области знаний и их применения.

Понимание того, что инвестиции в человеческий капитал оказывают все возрастающее воздействие на экономическую динамику, стимулировало также межстрановые сопоставления уровней экономического развития в зависимости от степени развития человеческих ресурсов. Было доказано, что в развивающихся странах отдача от вложений в физический капитал (15,1%) существенно меньше отдачи от инвестиций в человеческий капитал (19,9%), тогда как в развитых странах, наоборот, прибыльность вложений в физический капитал выше (10,5%), чем в человеческий капитал (8,3%). Следовательно, различия в уровнях развития стран могут служить ориентиром желаемого распределения инвестиций в экономику страны между обычным (физическим) и человеческим капиталом.

Еще одним важным результатом компаративных исследований в области источников и факторов экономического роста явилось понимание того, что относительно невысокое качество человеческого капитала может в известных пределах уравниваться высокой нормой материально-вещественного накопле-

ния, когда высокая доля производственного накопления выступает своеобразной «силовой» компенсацией отставания уровня научно-технической базы производства и качественного состояния кадрового потенциала (Липси Р., Крэвис И., 1988).

Страны, которые отстают в развитии научного и образовательного потенциала, вынуждены тратить относительно больше средств на развитие материально-вещественных условий производства, с целью сохранения темпов роста национального продукта, чем те страны, которые имеют более высокую норму нематериального накопления.

В ходе сравнительных исследований было выяснено также, что страны с богатыми природными ресурсами, как правило, ориентируются на стратегию развития материально-вещественных элементов капитала, а страны с бедными природными ресурсами предпочитают стратегию развития человеческих ресурсов (Адельман, Лэри, 1984).

Вместе с тем, страны, которые ориентировались на интенсивное развитие человеческого капитала, имели как лучшие показатели экономического роста, так и лучшее распределение доходов по сравнению со странами, которые брали курс на преимущественное развитие обычного капитала (Кац, 1992).

Интенсивное развитие человеческого капитала существенно и тогда, когда страна имеет «чрезмерную ношу внешней задолженности» (Atani I., Villanueva D. 1989).

Система образования в современных условиях становится все более заметным сектором на рынке услуг. В общем объеме платных услуг, предоставляемых населению России, на долю образовательных услуг в настоящее время приходится около 10%, тогда как в 1991 г. – примерно 2,0%. За период с 1996 по 2001 годы доля платного образования в России выросла более, чем в три раза – с 15% до 51%. По некоторым экспертным оценкам в системе образования сосредоточено от 6 до 10 млрд. долларов. В одном из выступлений В. Матвиенко, до недавнего времени курировавшей социальную сферу, отмечается, что оборот теневого сектора государственного высшего образования (репетиторство, дополнительные услуги, не предусмотренные профессионально-образовательной программой, и т.д.) составляет от 3 до 5 млрд. долларов.

Интересно отметить, что 65% родителей в России хотят, чтобы их дети получили высшее образование, а 11% – два высших образования (Россия 2015: долговременная стратегия роста // М.: EERC, 2002. С. 45).

Система образования постепенно занимает ведущие позиции на мировом рынке услуг. Образование на Западе все больше развивается как экспортная отрасль. Все больше стран включается в конкурентную борьбу за привлечение к себе на учебу иностранных студентов, аспирантов, стажеров. Неслучайно, в этой связи, что при определении рейтинга того или иного университета включается такой показатель, как удельный вес иностранных студентов в общей численности обучающихся в университете студентов. Основная конкуренция идет между наиболее развитыми странами Западной Европы и Северной Америки, а также Австралии и Японии, где обучается свыше 80% всех иностранных студентов. К 2005 г. размеры мирового рынка образовательных услуг, как предполагается, достигнут 90 млрд. долларов. (См. Платное образование. 2002. № 2. С. 26). Возможность обучать иностранных студентов приносит государству не только значительные доходы через оплату услуг образования и проживания, но и высококвалифицированных специалистов. Проводя активную иммиграционную политику, многие страны, прежде всего США, Канада, Австралия, ряд государств Западной Европы, получают в год примерно один миллион высококвалифицированных сотрудников нужного им профиля, преимущественно из числа иностранных граждан, обучавшихся в вузах. Это не менее ценный результат от хорошо организованного рынка образовательных услуг, чем плата иностранных учащихся за свое проживание и обучение. Достаточно сказать, что от 30 до 50% всех иностранных студентов, получающих степень магистра в американских учебных заведениях, остаются работать в Америке. Все это позволяет рассматривать экспорт образовательных услуг в качестве важнейшего фактора экономического роста.

Сказанное позволяет рассматривать объем, разнообразие и качество образовательных услуг, предоставляемых населению, как один из важнейших факторов, определяющих привлекательность территории, создающих конкурентные преимущества региона. В этой связи актуальной становится оценка потенциала регионального рынка образовательных услуг, предоставляемых высшими учебными заведениями.

Отметим, что за период с 1992 по 2001 гг. наблюдался существенный рост высших образовательных заведений как государственной, так и негосударственной форм собственности. В целом по России количество вузов увеличилось за рассматриваемый период в 1,54 раза. При этом количество государственных вузов увеличилось на 11%, так что весь прирост был обеспе-

чен увеличением негосударственных вузов (в 4,6 раза). В Уральском федеральном округе наблюдается та же самая динамика: рост общего количества вузов в 1,55 раза, государственных – на 17%, негосударственных – в 6,7 раза. Обращает на себя внимание то, что в Свердловской области, в отличие от РФ и УрФО, за рассматриваемый период количество государственных вузов не изменилось, а негосударственных выросло в 11 раз. (Рассчитано по: Регионы России. М.: Госкомстат, 2001. С. 208–211).

В настоящее время в Свердловской области работает 52 высших учебных заведения, из которых 48 – в г. Екатеринбурге. При этом на долю государственных вузов приходится 33,3% (16 вузов), негосударственных – 39,5% (19 вузов, работающих по лицензии МО РФ), остальные 27,2% (12) представлены филиалами государственных, главным образом из г. Москвы, вузов.

Для развития рынка образовательных услуг важен такой показатель, как количество студентов, обучающихся в вузах и их динамика. За рассматриваемый период с 1992 по 2001 гг. численность студентов высших учебных заведений в РФ выросла в 1,82 раза, при этом в государственных вузах – в 1,7 раза. В Уральском федеральном округе эти показатели были еще выше: численность студентов увеличилась в 2,1 раза, при этом в государственных вузах – почти в 2 раза. В Свердловской области рост численности студентов в целом составил 2,0 раза, при этом в государственных – 1,83 раза. (Рассчитано по: Регионы России. М.: Госкомстат, 2001. С. 212–215).

Приведенные цифры весьма показательны. Быстрый рост численности студентов говорит о том, что вузы расширили перечень направлений и специальностей подготовки, наиболее востребованных рынком и наиболее привлекательных для потребителей-студентов. Укажем, что в структуре выпуска специалистов государственными вузами на долю группы специальностей «Экономика и управление» в 1990 г. приходилось 13,8% выпускников, а в 2000 г. – 26,7%. (Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 2001. С. 234). Такая позиция государственных вузов позволила им привлечь дополнительные средства и сохранить, в основном, свой академический потенциал в условиях сокращающегося бюджетного финансирования. Вместе с тем, резкое увеличение спроса на услуги образовательных учреждений является своеобразным индикатором, показывающим неблагоприятную ситуацию на рынке труда и определенную дискриминацию молодежи при найме на работу.

Приведенные цифры свидетельствуют также о том, что рост численности студентов государственных вузов существенно опережал рост количества самих вузов. Это привело к заметному укрупнению государственных вузов. Например, если в 1993-1994 учебном году среднее количество студентов, обучающихся в одном государственном вузе Свердловской области, составляло 4763 человека, то в 2001–2002 учебном году – 8713, или на 80% больше. (Рассчитано по: Регионы России. М.: Госкомстат, 2001. С. 208–211, 212–215). Добавим, что из всего количества заявлений, поданных абитуриентами на обучение за счет средств государственного бюджета, удовлетворяется только 25%. Из оставшихся 75% абитуриентов более половины (53%) готовы обучаться за плату. По некоторым оценкам, областной рынок платного образования составляет от 1,0 до 1,2 млрд. рублей в год.

Показательны, в этой связи, данные, характеризующие структуру приема в государственные вузы по источникам финансирования. Так, например, в 1999 г. в структуре приема в государственные вузы на долю средств федерального бюджета приходилось 58,6%; на долю средств бюджета субъектов РФ – 0,8%; местных (муниципальных) бюджетов – 0,2%. Доля возмещения затрат на обучение составляла 40,4% в общем бюджете государственных вузов. В 2001 г. доля средств федерального бюджета в структуре приема снизилась до 45,1%; доля средств бюджета субъектов РФ увеличилась незначительно и достигла 1,2%; доля местных (муниципальных) бюджетов осталась неизменной на уровне 0,2%; доля, характеризующая возмещение затрат на обучение, выросла до 53,5%. (Рассчитано по: Сфера услуг в России. М.: Госкомстат, 2000. С. 212).

Приведенные данные свидетельствуют о замещении, причем быстрыми темпами, источников финансирования подготовки студентов государственными вузами. Нетрудно заметить, что средства из бюджетов всех уровней на финансирование подготовки студентов замещаются средствами, полученными в качестве платы за обучение на контрактной основе. Принимая во внимание бурный рост численности студентов, обучающихся в государственных вузах, можно говорить о снижении доли средств, приходящихся на одного студента, что, безусловно, не способствует повышению уровня и качества подготовки студентов в государственных вузах.

Конкурентоспособность российской системы высшего профессионального образования зависит не столько от решения вопросов финансирования, сколько от внедрения эффективной

системы университетского менеджмента, в основе которой должны лежать разделение академических, научно-исследовательских и административных функций, специализация на их выполнении, техническая поддержка учебной и исследовательской деятельности. Необходима структурная перестройка вузов в направлении создания и развития в них подразделений, функционирование которых превращает вузы в мобильные и вместе с тем устойчиво развивающиеся организации рыночно ориентированного типа. Требуется система мер, направленных на большую открытость и прозрачность вузов в отношении качества предлагаемых ими услуг через разработку и внедрение системы рейтингов, общественных советов по наблюдению за деятельностью вузов. Актуально, в этой связи, использование западных моделей университетского менеджмента, контроля качества, производства и продвижения «продуктов» на рынок вузами, что может и должно рассматриваться в качестве трансферта новых технологий организации и управления вузами.

Таким образом, превращение инвестиций в образование в важнейший фактор экономической динамики делает актуальной проблему эффективности этих вложений, ставит ряд вопросов: какому уровню образования следовало бы отдать приоритет; в какой мере спрос на образование, позволяющее занять рабочие места в новых секторах экономики, отвечает направленности и тенденциям современных структурных изменений; какая форма образования – государственная, частная, смешанная – предпочтительнее и в каких случаях.

Добавим также, что на переломных этапах общественного развития, когда новые элементы социальной действительности, новый образ и мысли утверждают себя посредством активного отрицания устаревших организационно-экономических форм, привычных стереотипов мышления и деятельности, крайне необходимо опережающее развитие производительных, духовно-нравственных сил и способностей личности. В роли катализаторов, ускоряющих появление нового «человеческого материала», способного воспринять и поддержать экономические и социальные новации, в разное время и в разных странах выступали религия, идеология, наука. Думается, что в наше время в роли такого катализатора должны выступать образование и воспитание.